

ГОРОДСКАЯ ПРОЗА

Марина
Белкина

WINDOWS

Окна
большого
города

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б43

Белкина, Марина.

Б43 Windows. Окна Большого города / Марина Белкина — Москва : Издательство АСТ, 2026. — 352 с. — (Городская проза).

ISBN 978-5-17-184644-2

Чтобы спасти любимую, Артем должен выбраться с опасной планеты Ада, а заодно исправить ошибки прошлых жизней и снять с Евы столетнее проклятие. Он готов идти до конца, даже если ради возвращения придется стать особенным человеком.

Автор погружает читателя в пространство, где современная проза, магический реализм и фэнтези сливаются, чтобы рассказать о самом главном — о смелости быть собой, когда весь мир против. Это книга для тех, кто ищет свет во тьме и верит в чудо.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

СОДЕРЖАНИЕ

Пролог.....	7
Глава 1 СЛОВО ИЗ ДВУХ БУКВ.....	8
Глава 2 ЕВА.....	33
Глава 3 Чудо.....	50
Глава 4 КОСТЮМ ФАСОНА «ЧАРЛЬСТОН» И «РИО РИТА»	67
Глава 5 ОБРАТНЫЙ БИЛЕТ.....	93
Глава 6 ЛИЛИТ.....	111

Глава 7	
ЛЮ ЛЮ МАШУЛЯ.....	131
Глава 8	
МАРИК	155
Глава 9	
ПРИЗРАК В ЗЕРКАЛЕ	168
Глава 10	
МАРКИЗА И ЧЕРВОННЫЙ КОРОЛЬ.....	180
Глава 11	
ЕЕ ЗОВУТ ЭЛИНА	198
Глава 12	
ПРИМЕРЯЯ ЧУЖИЕ ЛИЦА	213
Глава 13	
ЗЕРКАЛО МОРГАНЫ	236
Глава 14	
КУРЬБЕР	259
Глава 15	
СЕРЬГИ С ИЗУМРУДАМИ	290
Глава 16	
ПЛАТОН.....	308
Глава 17	
ДЕЛАЙ, ЧТО ДОЛЖЕН	330

Пролог

В окне седьмого этажа висели гардины с черными и белыми масками. Белые маски смеялись, у черных уголки губ были опущены. Они злились, грустили или плакали? Все зависело от контекста. Лица деформировались в складках, перетекали друг в друга. Исчезали.

В комнате были двое. Мужчина сидел за столом у окна, прилипнув взглядом к черному стеклу. Женщина — на краешке кровати, уронив руки на колени.

— Я не любила ее. Да и за что мне ее любить? Но такая трагедия... Она никогда больше не будет прежней.

Она помолчала.

— Ты навестишь ее?

— А ты хотела бы этого?

— Нет, но... я думаю, ты должен. — Женщина смотрела в его напряженную спину. — Слышишь? Она ждет тебя.

— Я не могу видеть ее такой.

Он вздрогнул.

— Мне показалось, что за окном сидит белая птица. Как чайка, только больше. Мне показалось, ее тень легла на подоконник.

Женщина подбежала к окну.

— Где? Ничего не вижу... Плохая примета... На сердце беспокойно. Как бы это проклятие не пало через нее и на наш дом.

— Проклятие — всего лишь тень. А тени сокращаются, стоит взойти солнцу.

Белая птица слетела с подоконника и взмыла в черное беззвездное небо. Она покружила над двумя домами, которые стояли друг против друга, образуя колодец двора, и скрылась в полной темноте.

Глава 1

Слово из двух букв

Я лежал, не в силах подняться, лицом на голых камнях. Щеке было больно и жарко. Закашлявшись, я попытался встать на четвереньки, но снова рухнул. Одежда — треники и майка «Рик и Морти», моя любимая, — намокла и прилипла к телу. Ветер, который почему-то пах не морем, а серой, делал жару невыносимой. В мареве над раскаленными камнями поплыла женская фигура. Белый платок, пестрая кофта и длинная юбка — деревенская бабушка, на плече которой сидела большая птица. Бабушка показалась смутно знакомой. Я попытался вспомнить, и фигура вдруг покачнулась и растворилась в жарком воздухе, как голограмма. Я снова лег щекой на камни. Бурые волны лизали берег. Почему они такого цвета? Из-за заката?

Вдоль моря тянулись линии проводов. На фоне грозного неба, закрытого пеленой желтых облаков, чернел силуэт корабля, похожего на авианосец. Корабль был оборудован восьмиугольной железной башней, к которой причалил дирижабль. Его пузатое длинное тело, похожее на гигантскую рыбу с маленькими плавниками, соприкасалось носом с вершиной башни. На боку дирижабля была надпись, разобрать которую я не смог. По трапам корабля текли два темных людских потока, которые на берегу сливались в единую колонну. Колонну охраняли военные. В кожаных плащах, высоких армейских ботинках, в касках, они были вооружены автоматами. И почему-то с шорами на глазах, как у лошади. Как они ориентировались в пространстве?

Прямо перед своим носом я увидел ботинок на высокой подошве и услышал лающий голос сверху. Слов не разобрал: этого языка я не знал. Взгляд упал на дуло автомата. Я инстинктивно начал подниматься и вдруг осознал, что, если бы полежал еще немного, просто сварился бы заживо. Военный принялся и стал кричать на меня. Я подумал, что должен назвать свое имя и статью, хотя и не мог припомнить, что вообще это такое. Свое имя я не помнил тоже. Голова гудела, тошнило, как будто накануне я сильно перебрал. Мне казалось, это из-за запаха серы, разлитого в воздухе. Ноги были ватными, но главное не это. Душу мою переполняла такая безысходность, такое ощущение тупика и отсутствия света в конце тоннеля, что я заплакал.

Дулом автомата военный подтолкнул меня, и я занял место в общей колонне. Я машинально стал перебирать ногами, поймав общий ритм, и совершенно четко осознал: выжить тут можно только так. Идти вперед вместе с колонной. По щекам, смешиваясь с потом, текли слезы.

— Твоя одежда прилипает к телу не потому, что тебе жарко, — сказал кто-то возле моего уха. — А потому, что ты считаешь, что тебе жарко. А жарко тебе быть не может. Ты умер, парень. Как только поймешь это, станет легче.

Я повернул голову и сразу ему поверил. Это был парень с миндалевидными глазами и прической из барбершопа. Обычный парень, но серого цвета, мутный, с нечеткими контурами, как тень. Я посмотрел на свои руки — они были такими же, мутными, теньвыми, и даже еще более темными, чем у моего собрата по несчастью.

— Умер... — тупо повторил я.

— Что ж ты делал в дирижабле? Тоже мне лодка Харона, — рассмеялся он. — Был в отключке? У меня возникло нехорошее предчувствие, еще когда они сложили нас в вонючем киле друг на друга, как рабов. И место,

в которое нас привезли, судя по всему, райскими кущами не назовешь. Это...

— Нет! — закричал я, зажав уши руками. — Не говори...

Я понял, что не выдержу, если он назовет это слово.

— Слово из двух букв? — усмехнулся мой сосед по колонне. — Но, если нельзя называть вещи своими именами, мы точно в... Ладно. Мы в тюрьме.

Парень поднял ногу, на которой болталось железное кольцо с номером, закрепленное ржавым болтом. На моей щиколотке было такое же.

Я попытался вспомнить. Потертый диван, бутылка, которую я прятал под одеялом между ног. Почему? От кого? Затылок заломило, не могу вспомнить. В памяти всплыли крупные серьги с изумрудами...

Я посмотрел в озабоченное лицо своего соседа по колонне и сказал:

— Я должен вернуться.

Я отделился от колонны и рванул назад, к берегу. Бежать было тяжело, словно я был под водой.

— Псих, — крикнул сосед мне вслед.

Я бежал со всех ног и думал, что услышу сзади что-то типа пулеметной очереди, как в фильмах про войну, но, к моему удивлению, было тихо. Сердце выпрыгивало из груди, в бок кололо. Я подумал: «А ведь так не может быть с мертвым человеком», — и стало легче.

У пристани была натянута колючая проволока высотой метров в пять, которую я до этого ошибочно принял за линии электропроводов. Тянулась она вдоль всего берега. За проволокой плескалось море. Я подошел к ней вплотную, задрал голову и заплакал. Вспышка. Глазам стало больно от резкого света, сквозь пелену слез я увидел огромную Белую птицу невероятной красоты. Она была самым ярким источником света в этом месте. Птица

зацепилась когтем за проволоку с обратной стороны. Она билась, пытаясь вырваться на волю, словно огонь полыхал над колючей проволокой.

Я встал на цыпочки, подsunул руки под проволоку, пытаясь отцепить ее коготь. Глаза обожгло солнцем. Я почувствовал жар в ладонях, меня тряхнуло волной неистовой боли, и я лишился чувств.

Очнулся я от ударов резиновой дубинкой, проклятия лающей непонятной речи сыпались на мою голову. Я попытался встать, колени дрожали. Дуло автомата подталкивало меня к общей колонне теней, тянущейся от берега. Удар дубинки пришелся по скуле — искры посыпались из глаз, я взвыл от резкой боли, но обернулся к пристани. Белой птицы на колючей проволоке не было. Я посмотрел на свои руки: ладони были черного цвета, выжжены, как угли в костре. В правой руке сияло перо. Я быстро сунул его за пазуху и присоединился к колонне.

Я не помнил, кто я и откуда, но совершенно точно мог сказать, что никогда прежде не видел такой длинной колонны. Она тянулась вдоль берега до самого горизонта. Небо озаряли вспышки, похожие на падающие звезды, только ярче, — сверкнет и исчезнет. Вокруг была пустыня. Ни цветка, ни травинки. Серые камни, казавшиеся черными из-за желтизны неба. Поверхность кое-где испещрена кратерами разного размера, как на другой планете. У самого горизонта тянулись горы, некоторые из них были потухшими вулканами. Выделялась одна. Из-за тумана было плохо видно, но казалось, что она поросла деревьями, которые колышутся на ветру. На вершине горели огни. Вдоль склона промелькнул и скрылся в тоннеле крошечный поезд с прицепленными вагонами и светящимися в темноте окошками — или мне это только показалось из-за запаха серы, разлитого в воздухе, и изнуряющей

жары? Впрочем, сосед оказался прав: чем больше я осознавал свое теневое состояние, тем комфортнее себя чувствовал, если, конечно, так можно сказать. Пот не бежал рекой, скула, по которой съездил долбаный фашист почти не болела. Я огляделся по сторонам. Народ в колонне выглядел странно: все одеты в то, в чем застала та самая, с косой. Пожилой мужчина, закутанный в простыню. Мадам почти голая, в одних трусах (почему-то в мужских). Так что, на ее фоне мои треники с вытянутыми коленками смотрелись еще вполне себе.

— Это Коридор Вечности, — сказал парень с модной стрижкой и миндалевидными глазами про нашу колонну.

Он снова оказался рядом, хотя быть этого никак не могло, ведь за время моего марш-броска парень должен был оторваться и уйти далеко вперед. В отличие от меня, этот всезнайка помнил свое имя — его звали Акио Почему же ни черта не помнил я?

— Таково проклятие, — со знанием дела заявил Акио.

— Куда мы идем? — спросил я.

— Мы должны подняться на гору. — Акио показал на поросшую лесом вершину. — Там есть железная башня. Это Венец мучений — чаша, которую каждый из нас должен испить до дна. Над железной башней — золотое облако, его не видно из-за туч. Воздушный змей отнесет туда каждого, кто покорит эту вершину. На золотом облаке Рай. Там свет. Растут пальмы и жасмин. Песни, прекраснее которых не слышали на земле. Саке льется рекой, и самые красивые девочки, для которых каждый поднявшийся на облако — японский император. Но восхождения совершат не все. Видишь вспышки на небе? Это души, которые не вынесли тягот пути. Они стали звездами.

— Откуда ты все это знаешь? — поразился я.

— С тех пор как умер, у меня что-то типа поисковика тут, — и он постучал пальцем по лбу.

— А мой поисковик, похоже, сломан, — вздохнул я и улыбнулся.

Как только перо Белой птицы оказалось у меня под майкой, дело пошло веселее. Да и мой цвет слегка изменился: я стал светлее.

Не знаю, сколько часов прошло, а мы все так же шли строем. Впрочем, существовало ли здесь время, и если да, было ли оно похоже на земное? Пейзаж вокруг не менялся, только гора стала чуть ближе.

Военные по-прежнему пасли нас, как стадо баранов. Вдоль колонны проносились мотоциклы с ребятами в коже с шорами на глазах, похожими на героев порно.

Больше всего меня убивал кислотный запах, разлитый в воздухе. От него слезились глаза, путались мысли.

— Видишь огонек? Там, — сказал Акио. — Это домик духов.

Я посмотрел в направлении, куда он показывал, но ничего не увидел. Видимо, это мираж, фата-моргана, или что там бывает в чертовой пустыне?

— Там ребенок лет пяти цедит лампадное масло прямо из бутылки. На алтаре печенье, самое вкусное на свете.

Он захихикал.

— Акио, там ничего нет, это галлюцинация, — понял я. — Из-за кислотного запаха. Местный воздух напичкан какой-то химией.

— Запах? Ты чувствуешь запах еды? Молока и печенья, — он начал хохотать. — Я до чертей хочу есть. Сожрал бы сейчас это печенье вместе с домиком, лампадкой и, возможно, даже ребенком.

Акио заплакал.

— Это ловушка, понимаешь? Ловушка. Он хочет, чтобы я побежал к домику, схватил печенье с алтаря. В то же мгновение ребенок обратится огнем, языки которого сожгут меня дотла.

— Кто? Кто хочет, Акио?

— Дьявол.

Он плакал горько и безутешно. Из-за Дьявола, которого я не видел. Тогда я понял: то самое, из двух букв, может отличаться даже для двух душ, идущих бок о бок в одной колонне. Он у каждого свой. Душу наполнило отчаянье. Я почувствовал себя невыносимо одиноким.

— В пустыне полно призраков, — сказал Акио, всхлипывая. — Это Абура-акаго. Есть еще Химеры, которые выпивают тени умерших. Коридор Вечности, как ни парадоксально, — самое безопасное место.

— У тебя отличный поисковик, — сказал я. — А у меня даже компаса нет.

Когда мне хуже всего, я пытаюсь шутить. Такая привычка.

— Как отсюда выбраться?

— Ишь чего захотел. Это тюрьма понадежнее Алькатраса. Отсюда нет выхода. А зачем тебе? Забронировал столик в ресторане? — он снова захихикал.

Я потерял виски. Ни черта не помню...

— Я должен вернуться.

Правой-левой, правой-левой. Мы шли, словно рота солдат, переходящая с позиции на позицию. Правой-левой, правой-левой. Теневое тело раскачивалось из стороны в сторону. Я закрыл глаза. Заплаканное женское лицо. Кожа — как пергаментная бумага, тонкая, морщинистая. Черная траурная косынка. Рука опускает в шка тулку крупную серьгу с изумрудами. Я должен вернуться! Лоб уперся в спину соседа, я вздрогнул и открыл глаза.

— Спать после смерти тоже необязательно, — заявил всезнающий Акио, повелитель демонов. — Привычка тела. Пройдет.

— А как же сны?

— Ты и так во сне всю дорогу, — рассмеялся он.

До нас донеслись крики военных, колонна остановилась. Привал? Стопам стало невыносимо жарко, как на горячем песке Гавайского пляжа в полдень. Как на раскаленной сковородке. Я стал маршировать на месте. Единственный способ выжить тут и не свариться — перебирать ногами. Я огляделся по сторонам и с удивлением понял, что мы стоим над обрывом. Скорее всего, это был тот же кратер, только большего размера. На дне кратера, среди камней, остатков потухших вулканов и обломков породы, похожей на битое стекло, глаз различил две теневые фигуры. Почему они не в общей колонне? В груди заболело. От запаха серы резало глаза. Сквозь пелену я увидел в низине кучи мусора и полуразрушенный дом без крыши. Женщина лежала в постели рядом со спящим мужем. На тумбочке — ночник и забытая книга, в углу спальни — телевизор. Женщина смотрела в потолок и беззвучно плакала. Она была невероятно одинока. Через стенку от нее перед компьютером, опустив плечи, сидел парень с затуманенным взглядом и смотрел в монитор. Оба они были невероятно одиноки. Они жили в одном доме, их разделяла только стена. Чтобы встретиться, надо лишь открыть дверь. Или обойти дом с другой стороны. Они жили в одном и том же доме и не знали об этом...

Я потер переносицу. Это была галлюцинация. Мой Дьявол. В моем персональном слове из двух букв. Почему? Я не помнил.

Послышался лающий возглас. Рядом стоял парень в шорах. Он отогнул полу плаща — во внутреннем кармане мелькнула пачка сигарет. У меня затряслись руки. Сейчас я отдал бы жизнь, да что там жизнь — всю цепь перерождений за одну затяжку. Инстинктивно я потянулся к военному. Что он попросит за сигарету? В его руках мелькнул мобильный телефон. Я настолько удивился, увидев это средство связи, такое человеческое